

ГУСТАВ ЭМАР

ПОКЛОННИКИ ЗМЕИ
ЧЕРНАЯ ПТИЦА

Густав Эмар

Поклонники змеи

«РИПОЛ Классик»

Эмар Г.

Поклонники змеи / Г. Эмар — «РИПОЛ Классик»,

Густав Эмар – признанный классик приключенческого жанра, романист с богатейшим опытом морских путешествий и опасных экспедиций в малоизученные районы Африки и Южной Америки. Он командовал пиратской бригаантиной и томился в плену у индейцев Патагонии, и эти приключения писателя-авантюриста отражены в десятках блистательных романов, которые читаются на одном дыхании. Роман «Поклонники змеи» – о зловещем культе Вуду, о магических обрядах и кровавых ритуалах гаитянских жрецов, которые выступили с оружием в руках против белых порабощенных. Издание подготовлено по тексту 1898 года.

Содержание

I. Таинственный незнакомец	5
II. Харчевня	8
III. Во время урагана	11
IV. Флореаль-Аполлон	14
V. Выстрел	18
VI. Драма	22
VII. Уличенный злодей	25
VIII. Люсьен Дорнес	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Густав Эмар

Поклонники змеи

I. Таинственный незнакомец

Во время моего последнего пребывания в Мексике, в конце 1863 и начале 1864 года, мне привелось случайно оказать довольно важную услугу некоему Жозефу Колету, богатому гаитскому помещику родом из Леогана, которого дела привели в Мексико.¹

В то время, когда я его знал, Жозеф Колет был человек лет 34–35, высокого роста, с изящными манерами и приятным выражением лица, дышавшего благородством, честностью и верностью, – характерными чертами смешанной расы.

В первый раз мы встретились в Мексико, на вечере у английского посланника; познакомились мы за карточным столом, а через два дня уже подружились. Тут случай привел меня оказать ему услугу; потом мы разошлись: я уехал в Сонору, он возвратился на свои острова. Спустя два месяца я снова его увидел в Пуэбло-де Лос-Ангелес, где он, казалось, уже прочно обосновался – по крайней мере, я так думал.

Однако спустя несколько дней, когда я прибыл в Вера-Круц, то первое лицо, которое я встретил, к своему изумлению, был г-н Колет.

Еще издали, заметив меня, г-н Колет бросился ко мне с распростертыми объятиями и, крепко пожимая руку, спросил:

– Что вы здесь делаете?

– Ничего особенного, – отвечал я.

– Долго вы рассчитываете пробыть в Вера-Круце?

– Право, не знаю! Думаю, во всяком случае, не более семи дней; меня уже ждет пароход во Францию.

– Знаете что?! – с живостью обратился ко мне Колет.

– Что?

– Подождите! Вы еще успеете вернуться на родину. Я помню, вы мне часто говорили о Сан-Доминго.

– Говорил.

– Так вот, не хотите ли несколько времени провести на этом острове, столь прекрасном, столь любопытном в глазах француза!

– А что ж, с удовольствием! – отвечал я. – Да только откуда мы с вами поедем?

– Да отсюда! – отвечал Колет, – я нанял одно судно в Леоган. Через два часа мы поедем. Поверьте, вы не раскаетесь, что поехали туда; вы пробудете в Гаити столько, сколько захотите.

– Да, право, не знаю! – отвечал я, несколько смущенный таким быстрым предложением. – У меня ведь дела в Париже!

– Э, полно! Дела подождут! – и, не давая мне возможности привести новые резоны, Колет повернулся к громадному негру с грубыми чертами лица и мрачным взглядом, который следовал по его пятам:

– Флореаль, – сказал он ему, – распорядитесь, пожалуйста, чтобы перенесли их багаж на борт «Макандаля». Так называется нанятый мною корабль, – заметил он мне.

– Скажите Жюльену, – сказал, обращаясь снова к негру, Колет, – чтобы он приготовил комнату возле моей.

– Да, где вы остановились? – спросил Колет.

¹ Столица Мексиканской республики. (Здесь и далее сноски даются в авторской редакции. – Изд.)

– В Морском Отеле! – машинально отвечал я.

– Вы слышите, Флореаль, – заметил Колет, – их багаж в Морском Отеле!

Флореаль взглянул на меня мрачно и, сделав утвердительный знак, медленно направился к Морскому Отелю, находившемуся на набережной, недалеко от того места, где мы разговаривали.

Не знаю почему, но этот Флореаль, который, казалось, занимал какое-то близкое положение при особе Колета, сразу же внушил мне глубокое чувство отвращения, которое я никак не мог побороть в себе. Его медленная, монотонная речь, его льстивые манеры, его нервный смех – все это производило на меня жуткое впечатление. Повторяю, не знаю почему, но этот Флореаль производил на меня впечатление гадины.

Однако возвращаясь к своему рассказу. В назначенное время «Макандаль» отправился в путь. Переход совершился вполне благополучно; корабль был хороший ходок. Несколько дней спустя я очутился в Сан-Доминго, комфортабельно устроившись у г-на Колета.

Не буду рассказывать, с каким радушием я был встречен этим милым семейством, среди которого провел три месяца; гостеприимство креолов известно всему свету. Да и не обо мне теперь идет речь. Я хочу только рассказать об одной чудовищной истории, свидетелем которой я был, и все ужасные перипетии которой прошли, так сказать, на моих глазах.

Но прежде всего два слова о самом Сан-Доминго. Этот остров, открытый Христофором Колумбом 6 декабря 1492 года, считается, по отзывам всех, самым прекрасным из всех Антильских островов. Длинною он – около 700 километров, шириною – около 120; таким образом, поверхность его равняется 84 тысячам квадратных километров. Утром при восходе солнца в тихую погоду вид этого острова восхитителен; недаром его называют роскошным букетом цветов, лежащим на груди Атлантики.

Мы не будем рассказывать истории Сан-Доминго, она слишком известна, и передавать ее бесполезно; заметим только, что со времени объявления независимости, несмотря на частые волнения и междоусобия, раздражавшие эту страну, остров Сан-Доминго быстро идет по пути цивилизации. Черная раса, на которую столько нападают, очевидно, желала показать своим клеветникам, сомневающимся в ее способностях, что она с честью может занять место среди народов Старого света.

В черном народе развита честность, которая поражала всех иностранцев, живших среди него. К чести черных, нужно сказать, что бандиты (разбойники) здесь неизвестны; без всякого конвоя можно пройти весь остров вдоль и поперек, и путешественник, сколько бы он ни имел с собою золота, может спокойно ночевать в самых диких ущельях гор, как, если бы он был на улицах столицы острова, Порт-о-Пренса.

Этому народу недостает только нравственной устойчивости, так как он не может устроить семьи на священных основах брака. Обладая большой физической силой, он в то же время отличается замечательной ленью и пристрастием к тафии (водке). Любопытно, что он имеет религиозное чувство, но религия его – смесь самых грубых суеверий; невежественные гаитяне позволяют эксплуатировать себя толпе жадных шарлатанов и мошенников, продавцов гри-гри, то есть амулетов, и особенно поклонников бога Вуду, или так называемых «поклонников змеи». Конечно, когда поднимется народное образование, эти дикие суеверия исчезнут. Повторяем, черная раса уже стала на дороге к прогрессу, и хотя медленно, но верно движется по ней вперед. Мы уверены, она добьется своей благородной цели, если мужественно будет стоять на этой дороге.

9 ноября 1863 г., – день, в который начинается наш рассказ, – томительная жара царила в городе Леогане, расположенном в километрах 20-ти от города Порт-о-Пренса; большие черные тучи, насыщенные электричеством, покрывали весь горизонт; ни малейшее движение ветерка не освежало этого ужасающего жара. Вдали, в горах, слышались отдаленные раскаты грома. Море, черное как чернила, волнуемое подземными силами, вздымало маслянистые волны и

катило их к береговым утесам, где они разбивались с мрачным гулом. Все предвещало ураган – этот настоящий бич острова Сан-Доминго.

Обитатели Порт-о-Пренса давно уже попрятались по домам и там дожидались бури. На опустевших улицах царила полная тишина. Вдруг, среди мертвой тишины, послышался лошадиный топот. Было уже около 8 часов вечера. Всадник, с головы до ног закутанный в широкий плащ, скрывая свое лицо под полями низко надвинутой шляпы, быстро выехал из города и направился по дороге, которая вела из Леогана в Порт-о-Пренс. Было уже настолько темно, что всадник, о котором мы говорим, несмотря на то, что прекрасно знал дорогу, должен был предоставить своей лошади идти по ее усмотрению. Проехав таким образом, так сказать, с завязанными глазами около трех четвертей часа, всадник своротил направо, и, покинув большую дорогу, решительно направился по узкой тропинке среди зарослей тамариндов, которая вела к горам.

Вдруг он остановился; его чуткое ухо уловило какой-то едва слышный шум. Минуты две-три он чутко прислушивался, затем, выпрямившись, тихо пробормотал:

– Я ошибся, вероятно! Я не в тамариндовом лесу.

– Нет, вы не ошиблись! – пробормотал ему на ухо чей-то тихий голос. – Та, кого вы ищите, ожидает вас.

– Благодарю вас! – отвечал незнакомец, – но как вы знаете, что я ищу кого-то и кто вы такой? Я вас не знаю.

– Кто бы я ни был, это все равно! Располагайте мною!

– Хорошо! – отвечал всадник, – вам именно и поручено проводить меня к ней?

– Да, если вы решитесь следовать за мною!

– Я решусь на все, чтобы только видеть ее! Говорите, что нужно сделать?

– Ночь темна! – проговорил таинственный голос, – дух гор разыгрался над потоками и крутится на острых утесах. Не чувствуешь ли ты, что сердце остановилось у тебя в груди?

– Кто бы ни был ты, оставь этот язык, им не испугать меня! – решительно заметил незнакомец с жестом презрения, – ты предлагаешь служить для меня проводником... Пойдем, я готов!

– Ты готов пренебрегать всеми опасностями, даже гневом воздушных богов? – насмешливо спросил невидимый собеседник.

– Я не боюсь ничего, говорю тебе, – отвечал всадник, – лишь бы видеть ее!

– Хорошо, ты увидишь ее! Сойди на землю и оставь свою лошадь, которая тебе теперь не нужна и которую ты найдешь, когда это будет нужно.

Не колеблясь ни минуты, незнакомец спрыгнул на землю и бросил поводья на шею своей лошади.

– Я готов! Где ты?

– Следуй за этим светляком, который танцует перед тобою! – отвечал таинственный голос, – он проведет тебя к той, которую ты хочешь видеть.

– Хорошо, пойдем! – проговорил наш незнакомец, – и не обращая больше внимания на свою лошадь, которую, как он слышал, уводила куда-то далеко таинственная рука, неизвестный направился к светляку, двигавшемуся впереди его, как бы действительно служа ему проводником.

В эту минуту зигзагообразная молния прорезала темные тучи; раздался страшный удар грома – и ураган начался. Незнакомец крепче надвинул на голову свою шляпу, закутался плотнее в свой плащ и решительно продолжал свой путь вслед за светляком, который двигался впереди его, казалось, на одном и том же расстоянии.

II. Харчевня

Посреди деревьев акажу, тамариндов и бавоульников, окруженная со всех сторон огромными бамбуками, образующими живую непроницаемую изгородь, возвышалась жалкая хижина, или, лучше сказать, ахупа, выстроенная на краю узкой тропинки, глубоко уходившей в овраг. Хижина принадлежала одной негритянке и считалась официально харчевней, где бы случайный путник, забредший в эти места, мог закусить и выпить, но на самом деле сюда сходились только подонки общества, бродяги, игроки и представители еще худших профессий. Негритянка, по имени Розеида Сумера, жила здесь одна или, по крайней мере, делала вид, что живет одна; никто не знал ее родителей; у своих соседей она пользовалась крайне сомнительной репутацией, и те далеко обегали ее хижину, из суеверного страха, чтобы она не накликала на них какой беды. Насколько можно было судить, Сумере было около 40 лет. Говорят, в молодости она была очень красива; называли 3–4 печальные истории, в которых она играла выдающуюся роль и в которых фигурировали убийства, поджог и отравления. Но страх, который внушала эта женщина, был настолько велик, что хотя преступления приобрели общую огласку, однако, никто не решился обвинить ее в них; все люди ее класса оказывали ей действительно или притворно глубокое уважение, которым заразились даже помещики – люди, бесспорно, интеллигентные. Эта безнаказанность еще больше увеличила ее поражающий цинизм.

В тот день, когда начинается наш рассказ, между 10–11 часами вечера, в то время, как ураган свирепствовал, с корнем вырывая столетние деревья и превращая ручьи в бурные потоки, харчевня негритянки светилась как отверстие ада; за плохо притворенной ее дверью слышались хриплые голоса пьяных гостей, оравших песни.

Четыре субъекта, с подозрительными лицами, сидели здесь, развалившись на скамьях, вокруг грязного стола и полными стаканами тянули тафию. Эти четыре субъекта, отталкивающая наружность которых носила следы скотского отупения, производимого пьянством, были, насколько можно было рассмотреть их при дрожащем свете дымной лампы, еще молодые негры, высокого роста и атлетического телосложения. Подле них валялись огромные дубинки в виде посохов, а из-под отрепьев выглядывали костяные ручки длинных широких и прямых ножей. В глубине залы, скрытая наполовину камышовыми ширмами, сидела Розеида Сумера за маленьким столом, на котором стояли два полных стакана с вытяжкой тамаринда, и шепотом разговаривала с какой-то молодой мулаткою, по-видимому, гадая ей на картах. Молодая девушка, которую по чистоте и правильности линий ее лица легко можно было принять за белую, если бы ее не выдавал медно-красный или скорее золотистый цвет кожи, имела с виду не более 15 лет. Это была скромная грациозная девушка с большими задумчивыми глазами, опущенными длинными шелковистыми ресницами. Беседуя с негритянкой, она не раз поглядывала с выражением ужаса на четырех негров, сидевших в зале. Платок, окутывавший ее шею и плечи, был накинута с такою милою скромностью, которая выдавала всю чистоту ее неиспорченной натуры. Наклонив свою голову на руки, она внимательно слушала старуху.

В это время один из негров поднялся и сделал Сумере повелительный знак. Та проворно бросилась к нему.

– Не угодно ли вам еще тафии? – спросила она вкрадчивым голосом.

– Нет, – был ответ, – у нас есть еще!

– Так чего же вы желаете?

– Поговорить с тобой! – отвечал тот с грубым смехом.

– Вот как, – с иронией ответила она, – говори, я слушаю тебя!

– Он запоздал! – шепотом проговорил негр, бросая подозрительный взгляд на молодую девушку.

– Не бойся, придет!

- Погода плохая, да и дороги плохи; пожалуй, он побоится.
- Он-то? – повторила негритянка, пожав плечами, – нет, ты не знаешь его!
- Так ты думаешь, он придет?
- Уверена в этом!
- Хорошо, мы посмеемся тогда!
- Будь осторожен, вас ведь только четверо!
- Этого более чем достаточно для одного человека!
- Не знаю, – протянула мегера, – во всяком случае, я советовала бы прихватить еще

народа.

- Пустое! Против одного-то?
- Ну, как знаешь! Только помни, я не хочу, чтобы задевали маленькую.
- Хорошо, хорошо! – пробрюзжал он, – ее не тронут!
- Иначе я рассержусь, помни это!..
- Да я сказал тебе, что ты можешь быть спокойна!
- Хорошо, мы увидим! Больше ты ничего не имеешь мне передать?
- Ничего, можешь возвратиться к своей милой голубке!

В этот момент раздались два удара в дверь, от которых она задрожала на своих петлях.

– Открой! – проговорил бандит, возвращаясь на свое место, – и, оборачиваясь к своим товарищам, шепотом проговорил: «Внимание!»

Негритянка, сделав знак молодой девушке, как бы желая успокоить ее, медленно направилась к двери.

- Кто там? – проговорила она, положив руку на щеколду.
- Путешественник! – отвечал голос снаружи.
- Теперь очень поздно! Проходите своей дорожкой, – отвечала старуха, – не могу теперь впустить вас!
- Теперь не такая погода, чтобы отказывать путешественнику в убежище!
- Повторяю, я не могу впустить вас, проходите своей дорожкой!
- Да отворите же, черт возьми! – гневно вскричал незнакомец, – или я выломаю дверь!

Я тот, кого вы ждете!

Старуха кинула взгляд на стол, занятый неграми. Последние были уже на ногах, держа в одной руке дубину, в другой – нож. Наклонившись вперед и устремив взгляды на дверь, они выжидали, готовые, как тигры, броситься на свою добычу.

– Странно, – пробормотал бандит, раньше разговаривавший со старухой, – я не узнаю голоса!

- Это оттого, что ты боишься, молодец! – со смехом проговорила старуха.
- Я? – повторил тот с грубым смехом, – вот увидишь, старая хрычовка, боюсь ли я.

Между тем молодая девушка в смертельном страхе оперлась спиной о стену, чтобы не упасть.

- Внимание, вы! – проговорил негр.
- Да откройте же, черт возьми! – нетерпеливо повторил голос снаружи.

Тогда старуха, бросив последний взгляд на своих соучастников, быстро открыла дверь, а сама бросилась в сторону. Четыре бандита кинулись было вперед, но вдруг отшатнулись с выражением неописуемого ужаса. На пороге двери стоял высокий, красивый человек лет 25-ти, держа в каждой руке по шестиствольному револьверу. Этот человек, с бледным лицом, с черными волосами и бородой, освещенный зеленоватым светом беспрерывно сверкавшей молнии, производил такое величественное впечатление, что в комнате, за минуту перед тем шумной, мгновенно водворилась мертвая тишина.

При виде его молодая мулатка невольно издала крик отчаяния и закрыла лицо руками. Между тем незнакомец, стоя по-прежнему на пороге, окинул бандитов магнетическим взглядом.

– Долой оружие! – повелительно крикнул он.

Бандиты безмолвно повиновались. Приниженные, дрожащие, стуча зубами от страха, с лицами цвета серого пепла, чем выражается обыкновенно бледность негров, они представляли жалкую картину. Между тем незнакомец медленно направился вглубь комнаты, прямо на бандитов, которые в страхе пятились перед ним.

– Я не знаю вас, да и не желаю знать! – проговорил он резким голосом. – Вон!.. Не хочу рук марать о вас, но берегитесь попадаться на моем пути!

– Вы не узнаете нас, господин Бираг? – насмешливо проговорил негр, бывший, по-видимому, начальником шайки. – Но мы-то вас узнали. Вы принадлежите к той семье, которая в продолжение долгих лет угнетала наших отцов в проклятые времена рабства. Теперь мы свободны, и сумеем отомстить одному белому.

– Попробуйте, презренные! – отвечал молодой человек, пожимая плечами.

– До свидания, господин Луи де Бираг! – прибавил негр зловещим тоном.

– Вон! – повторил вновь прибывший с жестом крайнего презрения.

– Я уйду, – проговорил бандит, – но помните, что вы выгнали нас, как диких зверей, вы оскорбили и грозили нам, и мы будем беспощадны. До свидания же! Оставляю вас с вашей прекрасной, невинной невестой.

– Презренный! – отвечал молодой человек, бросаясь на него. Но негр быстрее тигра кинулся из хижины и скоро исчез из виду с злорадным смехом.

Старая негрятка приблизилась тогда к молодому человеку.

– Господин, – лстиво проговорила она, – сам Бог послал вас сюда, чтобы предотвратить ужасное несчастье.

– Молчи, мегера! – вскричал господин де Бираг, с отвращением отталкивая ее, – ты думаешь я не знаю, для кого была приготовлена эта западня?

Старуха низко опустила голову и задрожала всеми членами, увидя свои замыслы открытыми. Между тем господин де Бираг заткнул свои револьверы за пояс и подошел к молодой девушке, которая с самого начала этой сцены оставалась неподвижной, как будто пораженная молнией.

– Сударыня! – с тоскою проговорил он, – в этой ли трущобе должны мы встретиться?!

У девушки вырвалось рыдание.

– Простите! – пробормотала она с дрожью в голосе и почти без чувств падая на скамью.

В этот момент снаружи вдруг раздался выстрел – и какой-то человек, бледный, растерянный, с дымящимся револьвером в руке, бросился в комнату. Это был Жозеф Колет.

III. Во время урагана

Войдя в хижину, Жозеф Колет первым делом забаррикадировал дверь, нагромоздив перед нею стулья и скамейки; потом, зарядив свой револьвер и заткнув его за пояс, он приблизился к господину Бирагу с живейшей радостью, в искренности которой невозможно было сомневаться.

– Слава богу! – воскликнул он, крепко пожимая ему руку, – я нахожу вас живым и здоровым!

– Э, мой милый Жозеф, – смеясь, отвечал господин де Бираг, все еще стоя перед молодой девушкой и стараясь закрыть ее, – по какому это случаю вы предполагали, что мне грозит смерть?

– Но я так боялся, что с вами случится несчастье!

– Почему же, мой друг?

– Да потому, что сегодня вечером вы вели себя довольно глупо!

– Благодарю вас! – отвечал молодой человек, стараясь увлечь своего друга на другой конец комнаты и в то же время делая незаметный знак негритянке, чтобы она занялась девушкой. – Дорогой мой, – прибавил он смеясь, – вы знаете, что я не разделяю вашего беспокойства в стране, где честность жителей вошла в пословицу.

Колет печально покачал головою.

– Обстоятельства сильно меняются в данное время!

– Вы меня пугаете!

– Не смейтесь, мой друг, уверяю вас, что я говорю совершенно серьезно!

– Объясните же, ради бога, в чем дело.

Метис бросил вокруг себя испытующий взор.

– Место, где мы теперь находимся, – тихо проговорил он, – неудобно для подобных объяснений, пока удовольствуйтесь моими словами, что вы подвергались большой опасности.

– Но скажите, пожалуйста, как же вы сами очутились здесь так неожиданно с револьвером в руке?

– Можете еще прибавить, что этот револьвер был разряжен мною в нескольких шагах от хижины.

– На вас кто-нибудь напал?

– Не знаю, но я слышал подозрительный шум в кустах, заметил, как, подобно раскаленным угольям, сквозь листву блестящих глаз, мне показалось даже, что мимо моих ушей просвистел камень.

– И тогда?..

– Тогда я выстрелил. В кустах раздался сдавленный крик, там зашумело, послышался как бы шепот, но тут, увидя дверь этой хижины открытой, я бросился сюда и поспешил забаррикадировать вход, чтобы не быть застигнутым врасплох в этой берлоге.

– Хорошо, вы объяснили все, что мне хотелось знать. Теперь скажите мне, откуда вы пришли?

– Откуда?..

– Да.

– Хорошо, отсюда! – и Жозеф Колет, который уже давно заметил двух женщин, неподвижно стоящих в стороне, бросился к мулатке и, схватив ее за руки, заставил поднять лицо.

– Так это правда? – с изумлением вскричал он. – Она! Она здесь!

– Брат! – пробормотала молодая девушка.

– Молчи! – вскричал он громовым голосом и, схватив за руку господина де Бирага, печально прибавил, – вы изменили мне...

– Я! – с изумлением вскричал молодой человек. – Право же... – но, сообразив, насколько бы компрометировали его слова сестру его друга, он внезапно умолк.

– Ну! – повелительно продолжал Колет.

– Хорошо, – холодно отвечал тот, – но только здесь я не могу объясняться с вами!

– Пусть будет по-вашему! Но смотрите, я требую этого объяснения!

– И оно будет вам дано.

– Вы клянетесь мне в этом?

– Честью заверяю вас!

– Честью?! – с горькой улыбкою повторил Колет, взглядывая на молодых людей.

– Милостивый государь! – с достоинством проговорил де Бираг. – Не торопитесь считать виновными тех, невинность которых скоро будет доказана вам!

– Бог видит, что меня обманули.

– Вскоре вы получите доказательство.

Колет молча и печально покачал головою.

В комнате водворилось молчание. Между тем снаружи ураган свирепствовал с двойной яростью. Завывания бури наполняли воздух стонущими звуками. После нескольких секунд молчания, во время которых трое собеседников бросали украдкой вокруг себя настороженные взгляды, Колет вдруг поднял голову и, проведя рукой по своему лбу, как бы желая отогнать какую-то неотвязчивую мысль, резко обратился к молодому человеку.

– Вы пойдете со мною?

– Конечно!

– Пойдемте тогда, мы и так довольно долго пробыли здесь!

Все это время молодая девушка не проронила ни одного звука, не сделала ни одного жеста; она только куталась в свой платок, чтобы заглушить рыдания. Между тем негритянка, воспользовавшись тем, что никто не обращает на нее внимания, бросилась в соседнюю комнату и заперлась там. Жозеф Колет, бросив кругом подозрительный взгляд, подошел к окну и, взяв висевший у него на шее серебряный свисток, продолжительно свистнул. Почти в ту же минуту раздался топот лошадей, и перед хижинкой появилась дюжина кавалеристов с зажженными факелами.

Это были слуги Колета, душой и телом преданные своему господину.

Молодые люди вышли. Метис нес свою сестру на руках. Лошадь де Бирага оказалась привязанной к стволу акажу неизвестною рукой. Оба молодых человека сели в седла; плантатор усадил свою сестру, почти лишившуюся чувств, перед собою, – и кавалькада тронулась в путь.

Между тем ураган все еще не прекращался. Небо, изборожденное молнией, казалось, пылало огнем; страшные раскаты грома потрясали воздух; дождь лил целыми бочками, так что лошади шли по брюхо в воде. Буря гнула большие деревья, словно соломинки, вырывала с корнем и отбрасывала их далеко; словом, природа, казалось, была охвачена одною из тех катастроф, которые в несколько часов совершенно изменяют вид страны.

Всадники, лошади которых как будто обезумели, вихрем неслись, подобно легиону призраков.

Ночь была ужасная, все было разрушено, перевернуто.

Вдруг среди этого хаоса бури раздался ужасный крик мучительной агонии, какой человек испускает в минуту страшной смерти.

Вслед за тем поднялись неистовые вопли в горах, и при свете молнии, в нескольких шагах от дороги, наши всадники заметили бесновавшуюся толпу из сотни или более лиц, которые с непостижимою быстротою вертелись, производя какие-то странные жесты. Вдруг все исчезло.

– Вуду! Вуду! – вскричали объятые ужасом всадники.

– Вуду, что это значит? – спросил было де Бираг.

– Молчите, если вы только дорожите своей жизнью! – быстро проговорил Колет таким повелительным тоном, что молодой человек против воли замолчал, несмотря на свою храбрость, объятый инстинктивным ужасом.

Ураганы в тропических странах страшно сильны, но, к счастью, они при этом непродолжительны; иначе эти страны, так одаренные природой, были бы совершенно необитаемы. Несколько минут спустя буря совершенно прекратилась; на небе появилась луна и осветила своим дрожащим светом разоренную бурей местность. Между тем всадники продолжали также быстро ехать и к часу утра достигли наконец усадьбы Жозефа Колета, расположенной почти на полдороге между Порт-о-Пренсом и Леоганом.

В доме все уже спали; не виднелось ни одного огня; метис спрыгнул с лошади и, взяв на руки свою все еще бесчувственную сестру, проговорил, обращаясь к молодому человеку.

– Следуйте за мной, господин де Бираг!

– К вашим услугам, милостивый государь! – холодно ответил тот.

Оба прошли в комнату, где метис, положив сестру на диван, зажег свечи. Потом, обращаясь к де Бирагу, который все еще стоял, скрестив руки, надменно проговорил:

– Ожидая, милостивый государь, ваших объяснений, которые я требовал от вас!

Молодой человек печально покачал головою.

– Милостивый государь, – отвечал он, – это объяснение должна дать единственно только ваша сестра; если же оно не удовлетворит вас, я всегда к вашим услугам!

Плантатор молча посмотрел на него, потом, повинуясь внезапному движению сердца, вдруг протянул руку со словами:

– Простите меня, друг мой! Но я так страдаю!

– И я так же! – растроганно отвечал де Бираг, крепко пожимая руку друга.

– Вы? – пробормотал Колет с изумлением.

– Подождите, – мягко возразил молодой человек, – объяснения, в котором, я уверен, ваша сестра не откажет вам.

– Хорошо, я подожду! Еще раз простите меня, мой друг!

С этими словами Колет позвонил; через несколько минут явилась молодая негритянка.

– Цидализа, – обратился к ней плантатор, – вашей госпоже сделалось дурно от грозы; помогите ей, а когда она придет в чувство, доложите мне! – И, сделав знак де Бирагу, плантатор перешел в соседнюю комнату, а молодая негритянка занялась своей госпожой.

IV. Флореаль-Аполлон

Жозеф Колет и де Бираг уже несколько времени сидели рядом друг с другом в комнате, куда они удалились. Всецело поглощенные своими мыслями, они не проронили еще ни одного слова, как вдруг дверь отворилась и вошел негр.

Это был Флореаль-Аполлон, но в каком ужасном виде! С одежды его текли целые ручьи воды, сапоги были покрыты грязью, а шпоры на каждом шагу оставляли кровавый след на паркете. Войдя в комнату, он бросил сбоку подозрительный взгляд на де Бирага и медленно, по обыкновению, направился к плантатору, который, встав при виде его с места и протягивая руку, с нежностью проговорил:

– Вот и вы, Флореаль! Добро пожаловать! Я с нетерпением жду вас, друг мой! Давно ли вы возвратились?

– Я возвратился за пять минут до вас; меня застала в дороге гроза.

– Оно и видно! Но откуда вы теперь?

– Из Гонаив, откуда я выехал в шесть часов вечера.

– А я уже начал беспокоиться о вас, друг мой!

– Правда, мое отсутствие было продолжительно; оно продлилось даже больше, чем я предполагал. Но мне хотелось добросовестно исполнить то поручение, которое вы имели честь мне дать! – проговорил Флореаль с легкой улыбкою.

– Благодарю вас, мой друг! – с жаром вскричал плантатор. – Вы неутомимы, когда дело идет о чем-либо приятном для меня.

– Но разве это не моя обязанность? Не связан ли я с вами узами вечной благодарности?

– Вы ничем мне не обязаны, Флореаль! Мы – молочные братья, мы воспитаны вместе, и, надеюсь, любим друг друга, что вполне естественно. Бог дал мне больше богатства, чем вам, но я пожелал восстановить равновесие и предложил вам пользоваться моим состоянием. Вот и все, ничего не может быть проще.

– Вам легко так говорить, Жозеф, потому что я обязан вам; но я знаю, что мне нужно думать о ваших благодеяниях!

– Право, вы придаете слишком большое значение тому, что мне кажется вполне естественным! – добродушно отвечал плантатор.

– То, что я говорю, справедливо. Я вам всем обязан, Жозеф!

– Не будем спорить, дорогой Флореаль, я хорошо знаю ваше упрямство.

Во все время этого разговора, столь дружественного по виду, в словах негра звучала скрытая ирония и горечь; но его молочный брат, ослепленный своей дружбой и привыкший, без сомнения, к его тону, не придавал этому большой важности.

– Ну, хорошо, хорошо! – добродушно продолжал плантатор. – Перейдем лучше к другому предмету разговора. Вы устали, должно быть; идите, отдохните, а завтра утром мы поговорим с вами о делах.

– Я вовсе не устал, Жозеф, и так как вы все равно не будете спать, то лучше переговорим сейчас.

– Как тебе угодно, милый Флореаль, садись тогда на это канапе и давай беседовать.

– К вашим услугам, – отвечал негр, опускаясь в кресло, вместо того чтобы сесть рядом со своим молочным братом, как тот приглашал его.

– Итак, – продолжал Колет, – вы посетили все плантации?

– Все, начиная с Трех Питонов и кончая Гонаивами.

– Вот что называется добросовестно работать. Вы драгоценный человек, Флореаль! – сказал, улыбаясь, метис.

– Я сделал только то, что я должен был сделать, не более того!

– Да, да, конечно! Итак, все идет хорошо! Жаль, что все это время я был так занят, а то бы мы вместе посетили плантации.

Негр медленно покачал головой.

– Простите мою откровенность, – отвечал наконец он, – но мне кажется, Жозеф, что вместо того, чтобы проводить время в Мексике, вам следовало бы больше заботиться о ваших интересах.

– Как?! – вскричал Колет с изумлением, – разве на плантациях случилось что-нибудь особенное?

Вместо ответа негр обратился к де Бирагу, все еще погруженному в свои размышления и, очевидно, не слышавшему ничего, что говорили рядом.

– Можете откровенно говорить при этом господине, – сказал Колет, заметив его движение, – это один из моих друзей.

– Белый! – пробормотал негр с непередаваемым выражением ненависти.

– Белый, черный или мулат, это все равно, если этот господин мой друг. Говорите же, Флореаль! Вероятно, не все в добром порядке?

– Напротив, я должен вам сказать, что все идет из рук вон плохо.

– Что вы сказали! – вскричал изумленный плантатор.

– Только голую правду, – возразил Флореаль, – мало того, если вы не примете сейчас же надлежащих мер, то будете совершенно разорены.

– Я?! Разорен! Полноте, Флореаль! Да на чем же я разорюсь?

– На всем!

– Как на всем?!

– Да, на кофе, на какао, на сахаре, на хлопке, на акажу...

– И на акажу?!

– Да, самый лучший и самый большой из ваших лесов уже неделю горит.

– Лес горит! Но это ведь страшное несчастье! – проговорил плантатор, на этот раз совершенно серьезно. – Но этот пожар не может быть случайностью, это, очевидно, дело злоумышленников.

– Да, оно так и есть на самом деле! – спокойно ответил Флореаль.

– Нет, я решительно тут ничего не понимаю! – проговорил пораженный плантатор, – кто же мог решиться на это дело? Ведь вы знаете, как хорошо платят у нас рабочим; они должны быть вполне довольны и счастливы.

– О, даже чересчур! – с иронией проговорил негр.

– Как чересчур?! Ну вы, Флореаль, говорите что-то неладное. Подумайте, ведь если бы хоть доля правды была в ваших словах, то это было бы чудовищно.

– А между тем это правда!

– Объясните же, ради бога, иначе, я чувствую, сойду с ума.

– Черт возьми! – насмешливо проговорил негр, немного повернув голову к де Бирагу, по-прежнему молча сидевшему. – Все это так просто, что я недоумеваю, как это вы сами не догадываетесь. Хорошо платите своим рабочим; они получают от вас все, что ни попросят; работа их распределена так, что почти треть времени они могут располагать по своему усмотрению...

– Ну! – проговорил напряженно слушавший Колет, – все это мне хорошо известно; я даже так требовал всегда. Что же дальше?

– Дальше?! Очень просто! Таким-то обращением вы сами и испортили их. Вы, Жозеф, почти белый и, очевидно, совсем не знаете черных. Вы рассчитываете, что негры – люди как все прочие, что можно вволю кормить их и в то же время почти не заставлять работать. Вот в этом-то и ошибка: негр – это просто животное, которое ни на минуту нельзя оставить без дела, иначе он совершенно испортится и будет замышлять только дурное.

Флореаль засмеялся сухим и нервным смехом. Плантатор был оглушен; подобные соображения никогда не приходили ему на ум и казались настолько противоречащими здравому смыслу, что он подумал, будто негр шутит с ним. Но, к несчастью, это была не шутка. Да, такова она и есть на самом деле, натура негра, испорченная вековым рабством.

– Однако должно же существовать средство против этого зла! – проговорил метис после некоторого молчания.

– Есть, я воспользовался им!

– Так сообщите же мне скорее его!

– Это средство – ворожея!

– Что за чушь! И вы, Флореаль, верите этим бредням? Ведь это все шарлатаны!

– Нет, Жозеф, ворожеи не шарлатаны, – серьезно возразил негр, – они говорят только правду.

– Ну, и что же вам сказала ворожея?

– Она мне сказала, что на ваших плантациях появились отравители!

– Праведное небо! – вскричал бледная метис. – Я разорен тогда!

– Подождите, ворожея сообщила мне, что их легко открыть. Нужно вам об этом серьезно подумать, Жозеф иначе вы лишитесь всего скота!

– Да, – задумчиво проговорил плантатор, – нужно принять решительные меры. Но неужели на всех моих плантациях появились эти злодеи?

– Нет, не везде, зато в других местах, – продолжал Флореаль зловещим тоном, от которого невольный трепет пробежал по телу плантатора, – появились Вуду.

С криком ужаса Колет откинулся на спинку сиденья. А негр, наслаждаясь, вероятно, в душе действием своих слов, встал, откланялся и покинул комнату, оставив молочного брата в ужасном состоянии.

Между тем де Бираг уже несколько времени невольно был выведен из своих размышлений голосами собеседников и машинально стал прислушиваться к их разговору. Когда негр уходил, он некоторое время следил за ним глазами, потом подошел к Колету и слегка коснулся его плеча. Плантатор быстро поднял голову, как бы внезапно пробужденный от сна. Де Бираг приложил палец к губам в знак молчания и наклонился к самому его уху.

– Хорошо ли вы знаете этого человека? – шепотом проговорил он.

– Это мой молочный брат, мы вместе росли, у нас все общее! – отвечал тот почти машинально.

– Выслушайте меня, господин Колет, и обратите внимание на мои слова, – с ударением, невольно поразившим плантатора, заметил молодой человек, – во время вашего разговора я исподтишка наблюдал за этим человеком. Несмотря на все усилия его казаться бесстрастным, злорадство невольно светилось в его глазах; при каждом новом несчастье, о котором он сообщал вам, в его голосе звучали зловещие ноты, холодом веявшие на меня. Смотрите, этот человек ваш смертельный враг.

– Он! Но это было бы ужасно!

– Вспомните, что он говорил о характере негров. Он сам негр и самой чистой крови. Верьте же мне, наблюдайте за ним, так как этот человек желает вашего разорения, может быть, даже вашей смерти. Я уверен, что он давно работает над этим планом и стремится к своей цели с настойчивостью дикаря и с дикой страстью кровожадного зверя, которого ничто не может остановить.

В этот момент Цидализа, камеристка Анжелы, вошла в комнату и доложила, что ее госпожа совсем оправилась от обморока.

Колет с живостью схватил своего друга за руки.

– Ни слова никому о нашем разговоре! Если то, что вы говорили сейчас, правда, – прибавил он шепотом, – то нам придется действовать с крайней осторожностью, так как нам пред-

стоит борьба с неумолимым врагом, для которого хороши все средства, чтобы добиться своей цели. Вы не знаете негров так, как я их знаю: они коварны, как демоны, и свирепы, как тигры. Ни слова, – повторяю вам, – будем бдительны! Могу я рассчитывать на вас?

– Конечно! Они крепко пожали друг другу руки.

– Благодарю вас, теперь пойдём к сестре!

V. Выстрел

На Антильских островах, где в продолжение целого дня царит невыносимая жара, обитатели, и бедные и богатые, обыкновенно, бодрствуют очень долго; ночи здесь великолепные, и почти до утра население не спит, с наслаждением вдыхая освежающее дуновение ночного бриза. Читатель поэтому не должен удивляться, что, несмотря на позднее время, большая часть плантации еще не спала.

Когда двое мужчин вошли в комнату Анжелы, сестры Жозефа Колета, они были приняты молодой девушкой с улыбкою на устах. Анжела смыла со своего лица ту темно-бурую краску, которой она загримировалась, когда шла к старой негритянке, и теперь явилась такой, какою была в действительности, то есть, обольстительной креолкой с палевым цветом лица, с изящными манерами, скромной, мечтательной. Не дожидаясь расспросов со стороны своего брата, она жестом избалованного ребенка, положив один из миниатюрных пальчиков на розовые губы, отворила настежь все четыре двери, которые находились в ее комнате, и пригласила грациозным жестом своего брата и жениха сесть справа и слева от себя. Те молча повиновались, обменявшись между собою недоумевающими взглядами: их интересовало такое странное поведение молодой девушки.

– Позади закрытых дверей, – сказала она, заметив эти взгляды, – легко могут подслушать нас, а теперь мы не боимся шпионов, так как можем издали увидеть их.

– Милая Анжела!.. – начал было Колет.

– Прости, брат, – с живостью прервала его молодая девушка решительным тоном, – нам нельзя терять время на пустые разговоры. Я – ваша сестра и этого, я думаю, вполне достаточно, чтобы защитить мою репутацию!

– Однако, сестра...

– Позвольте, милый Жозеф, – заявил де Бираг, – вступить мне за барышню, женихом которой я имею честь состоять! Я вполне разделяю ее мнение; каковы бы ни были мотивы, заставившие ее войти в ахупу этой твари, они должны быть уважительны и серьезны.

Молодая девушка с благодарностью протянула ему руку.

– Благодарю вас, дорогой Луи, – обратилась она к нему с печальною улыбкою, – благодарю вас за ваше доверие ко мне!

– Я вас люблю, Анжела, – с жаром ответил он, запечатлев горячий поцелуй на крошечной ручке, которую он любовно сжал в своей, и, обращаясь к своему другу, прибавил: – Я должен вам сообщить, дорогой Жозеф, что, не зная этих мотивов, я все-таки знал об этом поступке.

– Вы? – вскричала молодая девушка.

– Говорите, мой друг, говорите! – проговорил не менее удивленный плантатор.

– Вы разрешаете? – обратился молодой человек к девушке.

– Конечно! – был ответ.

– Слушаю, – сказал де Бираг, – дело было так. Сегодня вечером, часов около шести, я возвращался с прогулки и думал пройти в тамариндовую аллею, которая ведет к дому, как вдруг один подозрительный негр выскочил из-за дерева и остановился передо мною. Прежде чем я успел вымолвить хоть одно слово, он задал мне вопрос: «Вы ли тот господин, который прибыл с Большой Земли² вместе с массою Колет³»? Не знаю почему, вместо того, чтобы ответить ему отрицательно, так как, очевидно, он принял меня за вашего гостя француза, я ответил ему: «Да». Тогда этот человек улыбнулся как-то странно и, приблизившись вплотную к моей лошади, проговорил: «Передайте массе Бирагу что в этот вечер, если он хочет, он встре-

² Мексика, как называют ее туземцы Антильских островов.

³ Масса – господин.

тит свою невесту, переряженную мулаткою в ахупе мамы Сумеры». – «Лжешь!» – вскричал я. Черный бросил на меня ужасный взгляд. «Конго Пелле не лжет! – проговорил он, – молодая девушка будет там, пусть господин предупредит массу Бирага». Потом он прибавил: «Скажите ему, чтобы он пришел один в десять часов вечера!» – и негр с быстротою молнии исчез в кустах. Нужно ли объяснять остальное? Я люблю вас, Анжела, и ревную; вот почему я и явился на это свидание, назначенное вами другому.

– Странно! – пробормотал Колет, – я также получил уведомление об этом свидании.

– От кого? – с живостью спросила молодая девушка.

– Не знаю, – отвечал он, – я нашел вот это письмо на столе, у себя в спальне; с этими словами он вынул из кармана письмо и подал де Бирагу.

– Это письмо не подписано, – заметил тот, быстро пробежав его глазами, – тут кроется какой-то адский умысел!

– Заметьте, что, согласно с этим письмом, свидание было назначено не вам одному, но и моему гостю французу. Что бы это значило?

– Я совершенно теряюсь! – пробормотал де Бираг.

– Послушайте, господа, – воскликнула с живостью молодая девушка, – может быть, я вас наведу на след...

– Говори, сестра.

– Вы знаете, что уже два дня тому назад наш двоюродный брат Дювошель внезапно покинул нас, чтобы посетить свою плантацию в окрестностях Хереми, на которой было несколько случаев отравления.

– Правда, и он должен был бы вернуться уже сегодня.

– Да, и Марта уже очень беспокоится о своем муже. Она начинает бояться, не случилось ли чего-нибудь с ним.

– Напрасно она беспокоится; ее муж молодой, здоровый, храбрый человек, который сумеет постоять за себя в случае нападения.

– Несмотря на это, сегодня утром она не могла совладать со своим беспокойством и послала искать мамашу Розеиду Сумеру, чтобы та поворожила ей, как ей узнать причину задержки ее мужа.

Колет пожал плечами и, обращаясь к молодому человеку, проговорил:

– Вы видите! Вот наши креолки, легковверные и суеверные, как малые дети. Марта, моя сестра, женщина двадцати пяти лет, семь лет назад вышедшая замуж, мать прелестного ребенка шести лет, – и приглашает гадалок! Нечего сказать, хороший пример она показывает своей младшей сестре! И что же, – обратился он к молодой девушке, – Розеида Сумера приходила сюда?

– Да, брат, она даже довольно долго жила в помещении Марты, занимаясь с маленькою Марией, которая очень полюбила ее за то, что она постоянно приносила ей лакомства. Розеида убедила мою сестру, погадала ей и объявила, что ее муж возвратится домой живым и здоровым до истечения суток.

– И это все?

– Нет еще, брат мой! Розеида обратилась потом ко мне, предсказала мне счастливое супружество в близком будущем и убедила зайти к ней, чтобы...

– Ну? – проговорил Колет, видя, что она остановилась.

– Я не смею продолжать! – пробормотала она, закрыв лицо руками, чтобы скрыть вспыхнувший румянец.

– Говорите, умоляю вас! – проговорил молодой человек.

– Нет, это невозможно, я стану тогда для вас предметом насмешек.

– Бедное дитя, – проговорил ее брат, нежно целуя ее в лоб, – я угадываю, в чем дело. Должно быть, ты хотела получить от нее какой-нибудь амулет, чтобы быть уверенной, что твой будущий муж никогда не обманет тебя. Не правда ли?

Молодая девушка подняла глаза на своего жениха и улыбнулась сквозь слезы.

– Бедное дитя! – проговорил де Бираг, бросая на девушку нежный взгляд.

– Правда, – решительно проговорила Анжела, – но ведь посудите сами, мама Сумера – моя кормилица и очень любит меня; ее ахупа была подарена ей моим отцом. Вот почему сестра советовала мне не отказываться.

– Еще одна глупая голова! – пробормотал Колет. – И, вероятно, для того, чтобы случайно не узнал тебя кто-нибудь, она загримировала тебя мулаткою?

– Да! – пробормотала едва слышно девушка.

– А, теперь я понимаю их замысел, – вскричал Колет, ударив себя по лбу, – ты должна была служить приманкой, чтобы завлечь в эту хижину двух белых, от которых желали избавиться! Кто знает, не были бы мы оба умерщвлены там?!. Но, благодаря бога, западня оказалась чересчур грубой.

– Что вы хотите этим сказать, друг мой? – быстро спросил де Бираг. – Неужели вы думаете, что негодяи действительно посягали на вашу жизнь и на жизнь вашего гостя?

– Я в этом уверен! Видите ли, здешние негры чистой крови ненавидят президента Жеффара, который, благодаря своим талантам и силе воли, сумел утвердить крепкое и либеральное правление в этой несчастной стране, бывшей столько времени добычей невежественных и фанатичных честолюбцев. Они завидуют цветным людям, которые вместе с президентом стремятся к реформам. Обширный заговор, невидимые нити которого опутывают целый остров, зреет в тиши против президента и его мулатов, чтобы ниспровергнуть нашего президента и его правительство и восстановить господство толпы, во главе которой, естественно, встанут почитателя бога Вуду, поклонники священной змеи.

– Но это чистое сумасшествие! – вскричал молодой человек.

– Да, но, к несчастью, это так; я имею сведения из достоверного источника. Гвинейские негры сохранили вообще все глупые суеверия своей прежней родины; время не переменяло их. Христиане по наружности, они в действительности не признают никакой другой религии кроме той, которую исповедовали их отцы на берегах Африки; поэтому они сожалеют об императоре Фаустине I, невежественном и фанатичном негре, бывшем настоящим воплощением всех пороков и грубости народа своей расы, этом тигре с человеческим лицом, который покровительствовал всем колдунам, высоко чтил бога Вуду и объявил себя любимцем Священной змеи.

– Все это ужасно, друг мой! Но ведь ваш гость и я, мы здесь иностранцы, к тому же французы, так как он корсиканец, я думаю, а я – с острова Мартиника; дела этой страны вовсе не касаются нас, что же может быть общего у нас с ними?

– А вот сейчас поймете! Видите ли, негры распространяют против президента Жеффара самые гнусные клеветы; так, они говорят, что он хочет продать Гаити Франции, которая тогда здесь восстановит рабство.

– Но это глупо; Франция – самая передовая страна; она везде уничтожила в своих владениях рабство!

– Черт возьми, они не рассуждают об этом, разве они читают журналы и знают, что происходит вне их острова?! Они слепо верят тому, что им говорят вожаки. Их убедили, что мой гость – тайный агент французского правительства и что я нарочно выдал его за путешественника. Что касается вас – дело другое. Ваша семья владела некогда большими землями на Сан-Доминго; ваш предполагаемый брак с моею сестрою, по мнению заговорщиков, не более как предлог, чтобы обойти закон, запрещающий белому приобретать имения на территории республики и войти таким образом, через этот брак, во владение прежними поместьями. Заметьте

при этом, друг мой, какой странный случай: ведь почти все прежние имения вашей семьи теперь принадлежат мне.

– Но ведь вы приобрели их вполне законным образом! Кроме того, вы знаете, – с улыбкою прибавил он, – что я не требую от вас никакого приданого.

– А вот подите-ка, растолкуйте им все это!

– Тогда есть простое средство разрушить их план: пускай ваш гость возвращается в свою дорогую Францию, а мы, то есть вы с сестрой и я, поедem на Мартинику, где и заключим брак. Как вам нравится это?

– Мне кажется, – робко вставила молодая девушка, внезапно покраснев, – что это действительно простое средство.

– Кроме того, это избавило бы нас от ненависти наших врагов! – прибавил молодой человек. – И оба направили свои взоры на плантатора, опустившего голову в глубокой задумчивости.

– К несчастью, дети мои, ваш прекрасный план неосуществим! – проговорил он наконец.

– Почему? – в один голос с тоскою спросили молодые люди.

– Да потому, что я еще вам не все сказал, – отвечал он, – я убежден, что один изменник злоупотребил моей дружбою, чтобы погубить нас, и, прежде чем покинуть остров, я хочу сорвать с него маску на глазах у всех!

– Кто ж он? – вскричал г-н де Бираг.

– Этот изменник, к которому я питал полное доверие...

В это мгновение какая-то тень мелькнула мимо открытых дверей комнаты.

– Смотрите, там! – с ужасом вскричала молодая девушка.

Вдруг раздался выстрел – и Анжела, окровавленная и бездыханная, упала на руки своего жениха.

– О, – с отчаянием вскричал плантатор, – я во чтобы то ни стало узнаю, кто этот презренный убийца! И одним гигантским прыжком он бросился из комнаты с револьверами в руках.

Через минуту раздалось два выстрела, потом послышался бешеный топот коня.

VI. Драма

Минут чрез пять вся плантация поднялась на ноги; негры, белые и мулаты, вооружившись чем попало: ружьями, топорами, саблями, револьверами, впопыхах выбегали из своих хижин и устремлялись на поиски убийц, так как предполагали что их было несколько. (Один человек не мог бы так свободно проникнуть в дом, который охраняло десятка два смелых, хорошо вооруженных людей).

Прибежал на общий шум и француз-путешественник.

– Что здесь произошло? – вскричал он, подбегая к молодой девушке, лежавшей все еще без чувств на руках де Бирага. – Бедное дитя, она умерла?

– Надеюсь, что нет, – печально отвечал молодой человек, – но, во всяком случае, она тяжело ранена. Помогите, пожалуйста, перенести ее в спальню!

Француз молча поклонился и помог де Бирагу перенести его драгоценную ношу в спальню, где служанки ломали себе руки в отчаянии при виде безнадежного состояния своей обожаемой госпожи.

Вдруг извне раздались неистовые крики; двое мужчин взглянули друг на друга с изумлением, смешанным с ужасом. В это мгновение дверь распахнулась – и в спальню ворвалась молодая женщина, бледная, растрепанная, полуодетая. Эта была Марта, старшая сестра Анжелы и Жозефа Колета, супруга господина Дювошеля. Ее лицо было искажено отчаянием, глаза горели, как в лихорадке, руки судорожно сжимали кусок голубоватой ткани. С виска и с левой руки струилась кровь; казалось, она помешалась.

– Дочь моя, дочь моя! – кричала она хриплым голосом. – Отдайте мне мою дочь! Мария, Мария, где она?.. Вы видели ее! – быстро обратилась она к де Бирагу, с силою хватая его за руку, – отдайте мне ее! Слышите ли вы? Где она? Да говорите же!

Потом, не дожидаясь ответа от молодого человека, она забегала по комнате, как разъяренная львица, опрокидывая все встречное и беспрестанно повторяя: – Дочь моя Мария! О, я найду ее.

Вдруг она остановилась, бросила вокруг себя дикий взгляд, схватилась обеими руками за пылавшую грудь и испустила мучительный, протяжный стон. Лицо ее исказилось еще более, смертная бледность покрыла его и, как подкошенная, она упала навзничь. Не подбеги к ней вовремя присутствовавшие при этой тяжелой сцене, она непременно разбила бы себе череп о паркет.

– Займитесь своей невестою, – тихо проговорил француз молодому человеку, – а я попытаюсь спасти эту молодую несчастную женщину.

– Боже мой, – вскричал де Бираг, – какая ужасная ночь! Разве Марию похитили?

– Да! – отвечали несколько испуганных слуг. – Мы везде искали ее, бедный ребенок исчез. Это известие произвело ужасное впечатление на всех присутствующих.

Де Бираг побледнел.

– Неужели мы возвращаемся к мрачным дням восстания негров?! – пробормотал он, как бы разговаривая сам с собою.

Между тем по указаниям француза, имевшего кое-какие сведения в медицине, обеим дамам была сделана перевязка. Мало-помалу в доме понемногу стали успокаиваться. Испуганные дрожащие слуги стали приходить в себя, как вдруг снаружи послышался новый шум – и в дом внезапно вошло человек двенадцать черных служителей. Предчувствуя новое несчастье, оба француза бросились к ним навстречу. В это время четверо из новоприбывших внесли на ковре человека, по-видимому, без признаков жизни.

– Колет?! – вскричал француз.

– Умер! – с ужасом проговорил де Бираг.

– Нет, господин, – обратился к нему молодой мулат с добрым лицом, лет 22–23, по имени Люсьен Дорнес, бывший секретарем плантатора, – благодаря богу, он жив еще!

Де Бираг, зная, что этот человек был предан плантатору, вздохнул спокойнее.

– Что же, он ранен? – спросил он.

– Не знаю, думаю, что он только без чувств; он разбился при падении.

– Как же это случилось?

– Не знаю, господин. Я выбежал вместе с товарищами на звук выстрела, как вдруг в конце тамариндовой аллеи увидел всадника, удалявшегося галопом, я бросился в погоню за всадником, но вдруг споткнулся обо что-то и упал. Поднявшись на ноги, я заметил около себя распростертое неподвижное тело. На мой зов поспешило несколько товарищей, некоторые из них также споткнулись и упали. Оказалось, что через аллею была протянута веревка, на высоте полуаршина от земли, а за нею набросаны камни.

– Какой дьявольский умысел!

– Да, только чудом мы не разбились об эти камни.

– Их, кажется, не было в начале вечера? – спросил г-н де Бираг.

– Ловушка была поставлена часа в два утра, – с живостью отвечал молодой секретарь, – так как я ровно в полночь возвращался по этой дороге из Леогана, куда меня посылал господин Колет, и проехал свободно.

– Да, помню, я, Колет и несколько слуг, мы также возвращались около часа ночи и не наткнулись ни на какое препятствие. Продолжайте, однако! – заметил де Бираг, обращаясь к секретарю.

– Я сначала старался открыть причину своего падения, – проговорил тот, – потом обратил внимание на лежавшее тело. Оказалось, что это был мой господин. Голова его лежала на камне. К счастью, он упал так, что шляпа значительно ослабила удар; но все-таки последний был так силен, что лишил его сознания. Господин Колет держал в руках свои разряженные пистолеты, и лужа крови, которую я нашел в нескольких шагах в кустарнике, доказала, что пули его не пропали даром и что один из убийц был тяжело ранен.

– Один из убийц! Стало быть, вы предполагаете, что их было несколько?

– Уверен в этом! – и, приложив палец ко рту, он прибавил, понизив голос:

– Будем благоразумны, кто знает, не подслушивает ли кто-нибудь нас?!

– Понимаю, – проговорил де Бираг, пожимая ему руку. – Вам известно что-нибудь?

– Нет, но я многое подозреваю!

– Преданы ли вы своему господину?

– На жизнь и на смерть!

– Могу ли я рассчитывать на вас?

– Вполне!

После этого де Бираг покинул секретаря и подошел к французцу, занятому обязанностями хирурга около двух дам.

– Скажите, пожалуйста, – проговорил он, – можно ли вернуть моего друга к жизни?

– Я думаю! Стоит только разжать ему зубы, влить какого-нибудь вина, растереть его – и он очнется.

– Хорошо, это будет сейчас исполнено! – и, повернувшись к секретарю, де Бираг прибавил.

– Дорогой Дорнес, прикажите немедленно оседлать двух хороших лошадей.

– Слушаю-с, господин! – отвечал молодой человек и немедленно вышел, чтобы отдать приказание.

– А вас, дорогой друг, – обратился де Бираг к французцу, – я попросил бы позволить мне принять управление над этим опустевшим домом.

– Сделайте одолжение, – отвечал тот, улыбаясь, – я первый буду повиноваться вам!

– Благодарю, впрочем, я другого и не ожидал от вас! Теперь я попрошу вас об одной услуге.

– Говорите!

– Вы сядете на лошадь и немедленно поедете в Порто-Пренс; нужно предупредить полицию об этих событиях. А на обратном пути вы привезете с собой врача. Хорошо?

– Идет!

– Да не забудьте захватить с собой оружие!

– Не беспокойтесь; я – травленный волк и не дам застрелить себя, как зайца! Я прекрасно понимаю, что мы находимся в дикой стране, что бы там ни говорили о культуре негров европейские негрофилы.

– Прекрасно! Так поезжайте с Богом!

– Лошади готовы! – проговорил, входя, секретарь.

– Доброго пути!

– Счастливого оставаться!

Мужчины пожали друг другу руки и француз вышел.

Г-н де Бираг вынул листок бумаги из портфеля и, написав несколько строк карандашом, сказал, подавая записку Дорнесу.

– Дорогой Люсьен, отправляйтесь немедленно в Хереми, нужно предупредить Дювошеля о его несчастье. Только сделайте это с надлежащей осторожностью.

– Будьте спокойны, господин, я не скажу ничего лишнего!

– Прекрасно! Идите же с Богом, только возвращайтесь скорее; вы здесь необходимы.

– Слушаю-с, через три часа я вернусь! – проговорил секретарь, уходя из комнаты.

После этого де Бираг отдал еще несколько приказаний слугам, чтобы они тщательнее сторожили дом, и повернулся к плантатору. Последний в этот момент открыл глаза, как человек, только что пробудившийся от глубокого сна; бледный, он бросил вокруг себя мутный блуждающий взор, как бы отыскивая что-то; потом вдруг выпрямился и с угрозой вскричал:

– Флореаль-Аполлон!

– Никто не видал его в эту ночь! – заметил де Бираг! С трудом Колет поднялся с кушетки, опираясь на плечо своего друга.

– О, я теперь убежден, что презренный убийца – Флореаль.

– Кто меня зовет? – раздался мрачный голос, – и на пороге двери внезапно появился негр.

Молодые люди, невольно вздрогнув, отпрянули назад, как бы при виде ужасного зрелища.

VII. Уличенный злодей

Прошло несколько минут тяжелого молчания. Бессознательно, не спуская взгляда с негра, де Бираг подошел к столу, где лежало его оружие. Флореаль-Аполлон не тронулся с места; скрестив на груди руки, с высоко поднятой головой, с глазами, метавшими молнии, скривив губы в презрительную усмешку, он стоял неподвижно на пороге комнаты. Он же первый нарушил молчание.

– Вы обвиняете меня в моем отсутствии, – проговорил он угрожающим тоном, – я готов отвечать вам! Но сначала скажите, в чем заключается мое преступление?

– И вы еще смеете спрашивать об этом! – с негодованием вскричал молодой человек.

– Господин де Бираг, – холодно отвечал негр, обращаясь к молодому человеку и бросая на него суровый взгляд, – вас дело не касается, я не признаю за вами права возвышать голос, чтобы обвинять или даже спрашивать о чем-либо меня. Предоставьте это, – язвительно прибавил он, – моему молочному брату, с которым я рос и который любит меня и с радостью разделяет со мной свое имение. Пусть он, забыв на время о всех узах, скрепляющих нас друг с другом, публично обвиняет меня в убийстве, грабеже, воровстве и, не знаю еще, в каких других преступлениях! Говорите же Жозеф, я готов отвечать вам!

Колет, сделав над собою усилие, чтобы преодолеть охватившее его волнение, дрожащим голосом, тоном легкого упрека начал:

– Если я несправедливо обвинял вас, то простите, Флореаль, но посудите сами. Когда произошли печальные события этой ночи, все мои друзья и слуги собрались вокруг меня; вас одного не было здесь, а между тем вы знаете, как я доверял вам?! Ваше место было около меня, чтобы защищать меня или, по крайней мере, помочь мне настичь бандитов, наполнивших этот мирный дом слезами и кровью.

– Правда, я не пришел, и мое отсутствие было истолковано в другую сторону! Так вот в чем обвиняют меня!

Негр опустил голову на грудь и некоторое время хранил молчание.

– Я прощаю вам, – снова заговорил он надменным тоном, – у вас в жилах течет кровь белых; оттого вы легко поддаетесь подозрениям. А между тем, пока вы здесь стонали и плакали, подобно слабым женщинам, я, не думая ни о чем другом, заботился только о вас и устремился проследовать убийц.

– И это правда? – с видом сомнения спросил Колет.

– Ложь, – с силою вскричал молодой человек, – убийца вы!

– Я! – презрительным тоном отвечал негр. – Будьте осторожны в своих выражениях, господин де Бираг, вы сейчас получите доказательство справедливости моих слов.

И он исчез, но через минуту появился снова, неся в руках завернутое в ковер тело негра с лицом, закрытым маскою.

– Вот убийца! – вскричал он торжествующим тоном, – я убил его!

С этими словами он швырнул тело, которое с глухим стуком покатилося на пол. Ошеломленные молодые люди с недоумением переглядывались друг с другом, не зная, что думать об этом. Между тем Флореаль нагнулся и, срывая маску с трупа, вскричал:

– Взгляните, узнаете ли вы этого человека?

– Луизон, один из моих старых и самых преданных слуг! – с печальным удивлением вскричал Колет. – Может ли это быть?!

– Да, Луизон, – смеясь повторил негр, – этот слуга, на которого вы так полагались и который изменил вам – Луизон, один из главных вождей страшной секты Вуду!

– Боже мой! – пробормотал плантатор, – и этот человек мог изменить мне!

Де Бираг молчал, но его испытующие взоры, которые он бросал на мрачного негра, казалось, хотели проникнуть в глубину его души.

– Ну, – начал опять Флореаль с вызовом, – и перед этим неопровержимым доказательством, в присутствии этого трупа, распростертого у ваших ног, вы все еще продолжаете обвинять меня, все еще продолжаете утверждать, что я убийца?

– Да, убийца, убийца! – вскричал чей-то пронзительный голос с ужасной силою.

При этом неожиданном обвинении дрожь невольно пробежала по телу негра; с суеверным ужасом он повернулся на голос. Дверь, выходящая в комнату дам, была отворена настежь, и там, опираясь на косяк, с рукою, протянутою вперед как бы для проклятия, со сверкающими взорами стояла Марта.

Распущенные волосы и белые длинные окровавленные одежды придавали ей скорее вид призрака, чем живого существа.

– А, – вскричал Флореаль, с ужасом откидываясь назад перед этим ужасным видением, – неужели мертвые встают из гробниц?

– Убийца! – вскричала молодая женщина с лихорадочной силою. – Это твоих рук дело! Ты убил Луизона, моего верного защитника!

И, бросившись вперед, подобно разъяренной тигрице, она схватила негра за его курчавые волосы, крича:

– Куда ты девал моего ребенка, презренный? Отдай мне мое дитя!

Негр, оглушенный в первую минуту неожиданностью нападения, вскоре вернул свое обычное хладнокровие.

– А, ты жива еще! – вскричал он, делая отчаянное усилие, чтобы освободиться от молодой женщины. – Хорошо, я убью тебя во второй раз!

– Дитя мое, дитя мое! – повторяла несчастная мать без перерыва.

– Твое дитя, – вскричал негр с дьявольским смехом, – я посвятил в жертву Вуду; умри и ты!

С этими словами негр выхватил кинжал. Тут завязалась ужасная борьба между убийцей и молодой женщиной. Марта, отчаяние которой удесятиряло силы, действовала зубами и ногтями. Ошеломленные этой ужасной сценой, плантатор и молодой человек тщетно пытались прийти на помощь молодой женщине: оба врага, сплетаясь между собою подобно двум змеям, перекатывались с одного конца комнаты в другой, не видя и не слыша ничего в своем ожесточении.

– Дитя мое, дитя мое! – все повторяла несчастная мать свистящим голосом, употребляя невероятные усилия, чтобы ослепить или задушить своего врага.

– Ты умрешь! – бормотал последний, тщетно пытаясь освободиться от нее.

Вдруг ноги негра наткнулись на тело Луизона, распростертого на паркете; он споткнулся и, потеряв равновесие, упал, увлекая молодую женщину в своем падении, но тотчас же поднялся и, схватив короткий топор, скрытый под его одеждой, вскричал торжествующим тоном:

– Наконец-то!

Молодой женщине, неподвижно распростертой на паркете, грозила неминуемая смерть. Вдруг де Бираг бросился на Флореаля с револьвером в руке, а плантатор схватил убийцу сзади. Несмотря на всю свою атлетическую силу, при этом двойном нападении негр зашатался.

– Долой оружие, презренный! – вскричал де Бираг, схватив негра за горло.

Но последний быстрым движением вырвался из его рук.

– Никогда! – проревел он, скрежеща зубами от ярости.

– Ко мне, ко мне! – кричал плантатор.

Раздался топот бегущих на помощь своему господину слуг. Флореаль, казалось, раздумывал. Подавшись вперед, со сверкающими глазами как у тигра, он размышлял; но вдруг, одним ударом отбросив плантатора на десять шагов от себя, с поднятым топором бросился на

де Бирага, испуская торжествующий крик. Однако ловким прыжком в сторону молодому человеку удалось избежать направленного на него удара. В свою очередь он выстрелил из револьвера. Негр отвечал на этот выстрел взрывом сардонического хохота и стремительно бросился в самую середину слуг, которые невольно расступились перед ним.

Де Бираг бросился по следам убийцы и наугад выпустил еще четыре заряда, но, очевидно, неудачно, как можно было судить по презрительному крику и стуку лошадиных подков, донесшихся до его слуха. Печальный и мрачный де Бираг возвращался в дом; но здесь он невольно остановился, испустив крик ужаса при виде представившегося страшного зрелища.

Марта, сидя над телом убитого Флореалем негра, с улыбкою на устах, с глазами полными слез, тихим, нежным голосом, заставляющим плакать навзрыд всех присутствующих, напевала одну из тех наивных креольских песенок, которыми кормилицы Сан-Доминго убаюкивают обыкновенно маленьких детей. Плантатор с видом безграничного отчаяния стоял на коленях около своей сестры, бросая вокруг тупые взоры; крупные слезы медленно катились из его глаз.

– Боже, Боже мой! – бормотал он дрожащими губами.

– Мужайтесь, друг! – проговорил молодой человек, кладя ему руку на плечо. – Вы видите, несчастная помешалась!

– Увы!..

А Марта все пела. Это было трогательное и вместе ужасное зрелище; молодая женщина, с бескровным лицом, с горящими глазами, улыбающаяся и тихая, сидевшая над трупом негра и распевавшая наивные песенки! Вдруг песни смолкли.

Глаза молодой женщины сверкнули, и голосом, прерывавшимся от скорби, она вскричала:

– Дитя мое, дитя мое!

В этом крике слышалась такая мучительная тоска, что все присутствующие задрожали.

Между тем она, сложив последним усилием руки как бы для молитвы, подняла глаза к небу и упала навзничь. Все бросились к ней на помощь. Но было уже поздно: она умерла. Скорбь убила ее.

– Марта, сестра моя! – вскричал метис. – Она умерла! О Боже мой!

В это время снаружи послышался шум; возвращался французский гость плантатора в сопровождении врача. Позади него находился полицейский агент в сопровождении офицера и тридцати солдат. Беспорядок в одежде и пыль, покрывавшая лица новоприбывших, показывали, с какою быстротою они ехали из Порт-о-Пренса на плантацию Жозефа Колета.

VIII. Люсьен Дорнес

Было четыре с половиной часа утра; становилось уже светло; показавшееся из-за горизонта солнце брызнуло во все стороны золотыми лучами, скрашивая и оживляя дикий ландшафт; пробудившиеся в чаще птицы начинали уже свой гармоничный концерт. Вся эта природа, веселая, улыбающаяся составляла полный контраст с домом плантатора, ставшим в последнюю ночь театром мрачных и скорбных событий.

Наутро присланный из Порт-о-Пренса агент полиции деятельно принялся за следствие. Первой заботой Шевелена, таково было имя этого агента, подвергнуть продолжительному опросу всех слуг плантатора, черных и белых, безразлично. К несчастью, все эти люди, в большинстве преданные своему хозяину, решительно ничего не знали, и их показания не могли пролить никакого света на это таинственное дело. Из их показаний он вывел только одно, что они были захвачены этими событиями совсем врасплох, и что они не знали ни одного врага своего хозяина, который пользовался вообще всеобщим уважением и любовью. Шовелен обратился тогда к Анжеле, младшей сестре плантатора, которая, несмотря на свою довольно тяжелую рану, поспешила дать показания, чтобы навести агента полиции на настоящий след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.